

УДК 314.925.3

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-50-56

М. А. Овчарова*Новосибирский государственный краеведческий музей, г. Новосибирск, Российская Федерация***Факторы и условия адаптации мордовских переселенцев на юге Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.¹**

Аннотация. В статье идет речь о значении аграрных перемещений людей из Европейской части России в Сибирь в конце XIX — начале XX в. На территорию Сибири хлынул поток различных в этнокультурном отношении людей. Различные этносы были вынуждены адаптироваться к разным, порой непривычным природным условиям, меняя привычные способы хозяйствования и жизнедеятельности. Это обусловило складывание нового образа жизни, привнесение в культурные традиции новых элементов в дополнение к устоявшимся веками. Таким образом порой у переселенцев складывалась новая, адаптационная культура. **Ключевые слова:** переселения, адаптация, культура этносов, социально-культурные процессы, изменения в культуре, мордва.

Основное понятие «адаптация» в исторической науке не имеет точных определений, скорее можно обратиться к смежной дисциплине — этнологии. В самом общем виде под адаптацией, как правило, понимается процесс приспособления социальных групп или отдельных индивидуумов к изменившимся природно-географическим и социальным условиям жизни в новой среде обитания [1–2].

Нужно отметить, что адаптационными процессами жизнедеятельности переселенческих семей интересовался широкий круг исследователей начиная с конца XIX в. Охватывались различные вопросы, но очень редко в поле научных описательных характеристик попадали этнические особенности адаптации переселенцев в новой среде обитания. При рассмотрении адаптаций важны работы, которые описывают комплексный характер переселенческого процесса на Алтае в этот период, охватывают его географические, этнографические, социальные стороны, фиксируют хозяйственные особенности районов переселения. В этом аспекте значительный вклад в изучение адаптации крестьян, в том числе мордовских, был сделан исследователями конца XIX в., в частности П. М. Головачевым, Н. М. Ядринцевым [3–4]. Хотя в то время еще не было понятия «адаптация», они в своих работах уже обращали внимание на особенности жизнедеятельности старожилов и переселенцев в природно-климатических условиях Сибири. Аспекты взаимодействия двух групп населения: старожилов и переселенцев, характер их культурно-хозяйственных отношений отмечали Н. А. Голубев, С. Л. Чудновский, А. А. Исаев, С. П. Швецов [5–8]. Комплексно подходит к исследованию переселенческих процессов в своих работах А. А. Кауфман [9], особенности юридической культуры переселенцев и старожилов отражен в трудах П. П. Сущинского [10].

В 1920–1930-е гг. в основном публиковались обобщающие труды историков, которые оценивали

переселение за Урал как прогрессивное явление и свои исследования в основном посвящали изучению законодательной основы этого процесса.

Первые фундаментальные труды, связанные с анализом истории переселенческого движения в Сибирский регион, появляются в 1950–1960-е гг. — это работы Л. Ф. Склярова, В. Г. Тюкавкина, В. В. Покшишевского и др. [11–13], в которых указывалось на совокупное действие причин и факторов колонизации; наиболее важными из них назывались увеличение численности крестьянства в Европейской части, строительство Сибирской железной дороги.

В 1970–1980-е гг. расширилась тематика работ: они охватывали переселенческое движение, хотя, как и прежде, носили обобщающий характер, не касаясь этнической стороны вопроса. Ученые (Л. М. Горюшкин, Г. П. Жидков, В. А. Зверев, В. Н. Худяков и др.) [14–17] освещали социально-экономическую проблематику, социальный состав, численность переселяющихся, их экономическое положение, влияние переселений на трудовые традиции крестьян в Сибири.

Методологическое обновление и развитие исторической науки происходит в 1990–2000-е гг. В это время постепенно растет интерес к сибиреведению, к осмыслению региональных аспектов столыпинской политики. На этом фоне вместе с историками в изучение аграрного и сельского хозяйственно-го развития региона активно включаются этнографы. Происходит смещение исследовательских приоритетов в сторону изучения социокультурной проблематики переселенческого вопроса. Ученые стали рассматривать адаптационные процессы крестьянства в новой среде в Сибирском регионе (В. А. Липинская, О. Н. Шелегина, Н. Н. Родигина, Т. К. Щеглова и др.) [2, с. 18–20]. Исследователей интересуют миграционная мобильность и адаптации переселенцев из центральной части страны (М. К. Чуркин) [21], влияние природно-географических условий Сибири на процессы хозяйственного обустройства крестьянства (К. А. Чуркин) [22], менталитет сибирского крестьянства (Б. Е. Андюсов, К. В. Скобелев) [23–24].

В середине 2000-х гг. в центре внимания исследователей находятся факторы миграционной мобиль-

¹ Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ № 10-0100574м/Мл «Современные этнокультурные процессы в среде мордовского населения Западной Сибири».

ности и адаптации переселенцев из центральной части страны (М. К. Чуркин) [25], влияние природно-географических условий Сибири на процесс хозяйственного обустройства крестьян (К. А. Пожарская) [26], менталитет сибирского крестьянства (В. Н. Разгон, А. А. Храмков, К. А. Пожарская) [27], особенности межэтнических взаимоотношений на колонизируемых территориях (Л. И. Шерстова, Е. В. Карих) [28–29], а также характер взаимоотношений переселенцев и старожилов (П. Е. Бардина, Д. Я. Резун, Т. А. Гончарова и др.) [30–32], проблемы социокультурной адаптации мигрантов Алтая (Т. К. Щеглова) [33].

В это же время в статьях и монографиях начинают детально разрабатываться составляющие адаптационного процесса у отдельных этнических групп (Е. Ф. Фурсова, И. В. Октябрьская, М. Н. Колоткин, Д. Г. Коровушкин, Т. Б. Смирнова, Н. А. Томилов и др.) [34–38].

В целом анализ литературы показывает наличие устойчивого исследовательского интереса к проблемам аграрных миграций в Сибирский регион, значительный вклад исследователей в разработку экономических, природно-географических, демографических и социально-психологических аспектов крестьянских переселений. Однако до сих пор отсутствует специальное исследование по истории переселенческого движения на Алтай времен реализации столыпинской аграрной реформы. Алтай был одним из основных районов колонизации Западной Сибири первой четверти XX в. Выявление специфики хозяйственной и социокультурной составляющих адаптационного процесса у мигрантов Алтайского округа, обусловленной природно-климатическим и культурно-историческим своеобразием региона, получило лишь фрагментарное отражение в исторической и этнографической литературе.

Адаптация – один из основных факторов культурогенеза, исторической изменчивости культуры в целом, порождения инноваций и иных процессов социокультурной трансформации сообщества [1, с. 3]. При переселении на дальнейшее расстояние от своей основной этнической территории группа людей, входивших в тот или иной этнос (как в случае с мордвой), в иную природную, этническую, языково-культурную среду, должна была приспособиться к ней, пройти длительный период адаптации. Это касалось как материальной культуры, изменение которой часто идет за счет заимствований опыта местного населения, так и элементов духовной культуры, психологии. Адаптация переселенческих групп, как правило, отражалась в той или иной степени на их демографическом и этническом воспроизводстве. В условиях расселения на Алтае адаптация мордвы определялась процессами, которые в основном были связаны с приспособлением к новым природным условиям (природно-климатические составляющие юга Западной Сибири, особенностью которой являлась большая суровость и континентальность в сравнении с климатом Европейской России на соответствующей широте, характеризующаяся ярко выражен-

ной тенденцией крайних переходов от суровых зим к жаркому лету) [21, с. 208]; 2) к иноэтнической среде (мордва при переселении вступала в контакт в основном с местным русским старожильческим или переселенческим населением).

Поскольку на территории Алтайского горного округа были представлены разные природно-климатические зоны, от таежного Присалаирья до лесостепей и степей, на этой территории выделяются несколько этногеографических ареалов, отличающихся возможностями «кормящего ландшафта» и историческими особенностями колонизации, влияющими на адаптационные процессы [39, с. 111]. Описывая природно-географические условия Алтая, необходимо отметить особенности водных ресурсов, поскольку их качественные и количественные характеристики определяют характер увлажнения земель, их плодородие. Нехватка воды, плохое ее качество нередко становилось причиной болезней или ухода переселенцев на новое место [18, с. 19]. Учитывая все эти факторы, основная масса переселенцев, в том числе и мордовских, стремились попасть в районы, где возможно было при минимальных усилиях заниматься земледелием и лесными промыслами. Поэтому вниманием первое время пользовались территория Барнаульского уезда, северная часть Бийского уезда, северо-западная часть Змеиногорского [40, с. 48]. Неравномерное распределение переселенцев ни только по округам, но и по волостям зависело от многих факторов, главными среди которых были: 1) качество почвы и характер местности; 2) присутствие «своих», «на новых местах переселенцы жмутся к толпе своих, сбиваются в одну кучу». Так, «тамбовские и симбирские переселенцы составляли большинство в Верх-Чумышской и Чумышской волостях. Из которых значительная часть были мордовского происхождения, за ничтожным исключением среди которых встречались чувашки» [5, с. 436–437].

Статистические источники (материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г., переписи 1897 г.) показывают, что основными формами и видами хозяйственной деятельности мордвы на Алтае в конце XIX – начале XX в. являлось сельское хозяйство (земледелие, пчеловодство, животноводство) и сопутствующие ему занятия (обработка дерева, растительных и животных продуктов), при этом стоит выделить пчеловодство, которое всегда являлось традиционным занятием мордвы. В разных округах губернии особенности занятий мордвы различались: так, земледелие являлось преобладающей сферой деятельности мордвы в Змеиногорском округе (91% от общей численности мордовского населения), Барнаульском округе (88%), Бийском округе (78,3%), тогда как животноводство как сфера деятельности мордвы выделялась только в Кузнецком (8,7%) и Барнаульском (0,2%) округах. Лесные промыслы были распространены среди мордвы только в Кузнецком (5,5%) и Бийском округах (1,1%).

В процессе переселенческого движения мордвы в конце XIX – начале XX в. на Алтае сформирова-

лись две основные зоны их компактного расселения: Причумышье (северные, северо-восточные районы) и Бийское Приобье (восточные и юго-восточные районы). Эти районы Алтая традиционно осваивались выходцами из Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской и Казанской губерний до 1865 г. и в последующее время сохранили свою привлекательность для выходцев из этих губерний. О причинах стремления в названные районы губернии можно судить по результатам опросов крестьян, представленных в докладах различных губернских учреждений и ведомств. В отчете Уксунайского волостного правления о выходцах из северных, восточных губерний России отмечается, «что переселенцы из Симбирской губернии — мордвини, а также вятичи и пермяки больше предпочитают селиться на новые места и ближе к черновым лесам». Переселенцы сами, объясняя свое стремление, выделяют «привычку жить вблизи леса, а также охоту к пчеловодству» [5, с. 349]. В этом же отчете отмечалось, что переселенцы из других губерний: рязанцы, черниговцы, полтавцы, воронежцы, уфимцы — предпочитают селиться среди старожилов, в селениях, расположенных в степи. «К этому их влечет страсть к хлебопашеству и скотоводству» [5, с. 350].

Социально-экономический фактор адаптации переселенцев зависел от многих обстоятельств: наличных средств, места поселения и др. В волостных отчетах часто содержится информация об экономических возможностях переселенцев. Прибывающие на Алтай мордовские переселенцы имели разные возможности для обзаведения хозяйством. Если переселенцы заселялись на новый участок, то это был достаточно сложный процесс. Необходимо было полностью приготовить землю для жизни, возделывать пашню и т. д. Поэтому нередко были случаи, когда крестьяне, поселившись на новый участок, отправляли работников на заработки за 20–30 верст от заселка. Так, в отчете Локтевского волостного правления за 1886 г. говорится: «Из 102 дворов переселенцев мордовцев Пензенской и Тамбовской губерний, русских Пермской и др., водворившихся в 1884–1885 гг. в заселок Новогорьевский (современная территория Егорьевского района) Локтевской волости Бийского округа, 42 двора сразу по прибытию ушли на заработки по разным селениям, другая категория домохозяев мордовцев, числом 26, выехавшая с родины с капиталом от 100 до 200 рублей, сразу по прибытию приступили к обработке полей, но это были ничтожно малые участки, так что и они не могли обойтись без подработке» [5, с. 349].

Другим фактором, который сказывался на адаптации, являлась зона расселения мордвы. В степных и лесостепных районах Западной Сибири в ходе переселенческого движения не сложилось моноэтнических мордовских поселений, расселение носило скорее дисперсный характер. Мордовское население, переселяясь в район степи, очень часто было не готово к природным условиям, которые его ждали: выходцы из лесной зоны были не готовы к голым, без-

лесным и безводным Кулундинским степям. Пример такой ситуации — поселок Закладной Касмалинской волости Барнаульского уезда (современный Мамонтовский район Алтайского края). В 1888 г. несколько семей мордвы, переселенцев из Бугульминского уезда Самарской губернии, и чуваш Чистопольского уезда Казанской губернии, зимовавших в разных селениях Алтая, узнав, что в Касмалинской волости Барнаульского округа существует свободная для водворения переселенцев земля, обратились с просьбой в Земельную часть Главного управления Алтайского округа, которая дала им разрешение образовывать заселок. Летом 1888 г. в Закладной подошли еще 20 семей чуваш из Казанской губернии Чистопольского уезда и 13 семей мордвы-эрзя из Бугульминского уезда Самарской губернии. В 1892 г. в поселок стали прибывать русские и украинские переселенцы из Полтавской, Черниговской губерний [8, с. 70–71]. В целом поселок находился в тяжелом положении. По его расположению и внешнему виду сразу можно было сказать, как характер местности влияет на это. Он располагался в безлесной местности, что сказывалось на хозяйственных возможностях переселенцев. Строения были частью деревянные, частью глиняные, вытянутые в одну улицу, на задах находились огороды. Из 98 жилых построек 52 (т. е. более половины) приходилось на землянки, в поселке был только один деревянный дом. Существовали трудности и с обеспечением водой. В поселке было два пруда, которые зимой совсем вымерзали, и жители вынуждены были пользоваться талым снегом. В Закладном было только 6 колодцев, лишь в одном из которых вода была пригодна для приготовления пищи. Во всех остальных воды не хватало даже для скота, и владельцы закрывали их на замок. Во время полевых работ воду возили на поля. В массе своей крестьяне были недовольны выбранным участком, где не доставало покосов, питьевой воды, жаловались также на отдаленность поселения от волости и города, что лишало население врачебной помощи. К природным неудобствам присоединился факт наплыва переселенцев-малороссов, с которыми не могли ужиться первопоселенцы — мордва-эрзя, к которым присоседились семьи чуваш: «почувствовав себя стесненными малороссами», не взяв даже увольнительных свидетельств, они перебрались в деревню Дмитриевку Касминской волости Кузнецкого уезда, объясняя свое выселение «чрезвычайно неблагоприятными условиями для ведения скотоводства — недостатком покосов в даче Закладного [41, л. 184–192].

В зоне Бийского Приобья (восточные и юго-восточные районы Алтайского региона) природно-географические условия в большей степени способствовали развитию скотоводства и различных промыслов, связанных с наличием лесного массива, пчеловодства, что соответствовало хозяйственной ориентации мордовских переселенцев. Еще в источниках XVIII в. отмечалось, что восточные районы представляют местность более гористую, переходящую по-

степенно в скалы, не везде доступные горы, а почвы здесь подзолистые, песчаные, суглинистые. Здесь масса разнообразного леса, обилие рек и речек, население, кроме земледелия, занимается пчеловодством, лесными промыслами и скотоводством, и чем восточнее, тем эти промыслы развиты более, земледелие – менее. Большинство переселенцев, в том числе и мордва, занимались кустарными промыслами, связанными с переработкой древесины: смолокурением, дегтярным производством, бондарным, столярным, изготовлением посуды. В крестьянском хозяйстве мордвы в этой зоне также занимались скотоводством и техническим земледелием, что способствовало развитию кожевенного, овчинного, пимокатного производства, домашнего ткачества. В переселенческих мордовских поселках ситуация с посевами складывалась по-разному. Например, в пос. Бусыгинском Троицкой волости, пос. Ужлепе Троицкой волости (современная территория Красногорского района Алтая) хозяйства в основном были безпосевные, или размеры пашни не превышали 0,1–0,2 дес., поскольку особенности местности не благоприятствовали развитию земледелия. Хозяйства в основном имели скотоводческую направленность, причем преобладал крупный рогатый скот (коровы) и лошади, в среднем от 4 до 6 на хозяйство; овец во многих селах не держали совсем. Земли под покос и выпас располагались по горам и увалам, вдоль болот [42]. В пос. Чулеш Троицкой волости (современная территория Красногорского района Алтая) хозяйство мордвы также имело скотоводческую направленность, поскольку все 46 хозяйств держали только крупный рогатый скот (от 6 до 38 голов), посевы располагались по горам и увалам. Размеры самих пашенных угодий были небольшими – 0,1–0,5 дес. [43]. Из посевных культур преобладали ячмень, овес, лен, просо; этот набор вполне объясним и направленностью хозяйства, и особенностью природных условий, благоприятствовавших выращиванию таких культур, которые вызревали при этих почвенных условиях.

Хозяйственная адаптация мордвы в зоне Причумышья (Залесовский, Заринский, Первомайский, Тальменский, Тогульский районы Алтая) имела иную направленность, нежели в Бийском Приобье, поскольку природно-географические условия этого региона способствовали развитию не только скотоводства, но и земледелия. Еще в источниках XVIII в. отмечалось, что в лесистых местностях почвы подзолистые, песчаные. В отчете В. Шаболина, управлятеля Белоярской, Тальменской, Боровлянской и Чумышской волостей, отмечалось: «Пахотные земли располагались в основном между березовых колков, на возвышенных гривах, где же местность была лесистой, согристой, почва сухменистая, песковатая, к земледелию и плодородию пригодные». Зерновые культуры были представлены в основном рожью, овсом, ячменем [8, с. 285]. Характер экономической направленности мордовских хозяйств в этой зоне мы проанализировали по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. на примере

мордовских сел Борисово, Никольское, Камышенка, Инюшово, Малый Калтай Залесовского района. Для выявления особенностей экономического положения мордвы мы взяли ряд показателей: обеспеченность пашней, рабочим скотом (лошадьми), сенокосными угодьями, арендой недостающей земли, наличием скота, посевными культурами. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в мордовских селах в этой зоне средний надел земли в крестьянском хозяйстве составлял 7 дес., под пашню оставалось менее 3,2 дес., поэтому крестьяне вынуждены были арендовать землю под посев, держать большое стадо крупного рогатого скота (в среднем по 5 коров на двор и 7 голов лошадей). Отличие мордовских сел в этой зоне являлось наличие большого поголовья овец, на каждый двор приходилось в среднем по 9,2 головы (у некоторых хозяев стадо овец доходило до 18 голов). Например, в Борисово стадо овец с молодняком насчитывало 864 головы. Таким образом, основным занятием мордовского населения в зоне Причумышья было мясомолочное животноводство и земледелие. Сеяли яровую пшеницу в среднем по 6 дес., овес – по 6 дес., просо по 0,5 дес., лен – 0,2 дес., коноплю – по 0,5 дес., полбу выращивало только одно хозяйство в селе Борисово. Осимых посевов не было из-за недостатка земли. Из овощных культур большинство семей выращивало картофель, как правило, по 0,1 дес. Беспосевных хозяйств в селах не было. Хорошие пастбища Причумышья способствовали развитию животноводства [44].

В процессе поселения на Алтае мордовские новоселы вступали не только в земельные, хозяйственные отношения с разными группами, будь то сибиряки или «россейские переселенцы»; между разными этническими группами лежали также и «культурные различия» – в привычках, потребностях, традициях. Иногда эти различия выливались во взаимную рознь или неприязнь на начальных этапах совместного проживания. Мордовским переселенцам, оказавшимся в иноэтничном окружении, сложно было сразу ориентироваться на новом месте жительства, поэтому многие из них не только предпочитали селиться большими группами «своих», но и чаще выбирали новое место, нежели подсеялись в старожильческую общину. Если мордовские новоселы проживали в старожильческой деревне, то деревня делилась на края: старожили жили в одной стороне, мордва – в другой, и это относилось не только к мордовским переселенцам: в деревнях были «сибирский край», «вятский» и т. п. Появление «краев» являлось не только одним из важных факторов успешной адаптации на новом месте жительства для мигрантов, но и социальной поддержкой на протяжении всего периода проживания.

Село Большой Калтай Залесовского района делилось на края: на одном берегу реки жили переселенцы из Орловской губернии (орловские), и эта часть называлась «орловским краем», на противоположном берегу – переселенцы из Курской губернии (куряне), эта часть называлась «курским краем».

ем»; там были улицы Курская и Ивановская. Мордовский край назывался «Дрямо» («Од-эрямо» переводится с мордовского как «новая жизнь»). Сибиряки в Большом Калтае, по оценке мордовских переселенцев, жили зажиточно: «Родители к ним ходили работать» [45]. В таких условиях было вполне понятно стремление мордовских переселенцев селиться на новые участки. Эта тенденция стала особенно заметна с 1887–1889 гг., когда на кабинетских землях начинают отводиться свободные участки для образования поселений. Иногда совместное проживание мордвы-новопоселенцев и старожилов давало взаимную выгоду: как правило, переселенцы «к ним ходили работать... сначала, как приехали, батрачили... быстро встали на ноги», а старожилы говорят: «Жалко, что ли, земли было» [46].

До середины 1880-х гг. мордовские переселенцы в Западной Сибири старались попасть в старожильческие селения. С 1890-х гг. XIX в. начинает проследиваться другая тенденция: мордовские переселенцы старались заселить новые участки земли. Именно в это время в районы Западной Сибири выселялись целые мордовские деревни, и для переселенцев стремление «поселиться с земляками» было не менее важно, чем наличие хорошей земли и характер местности, а старожильческие селения в это время постепенно прекращают принимать переселенцев либо увеличивают плату за приписной приговор. И даже когда переселенцы образовывали свое поселение, очень часто соседями оказывалось старожильческое население, особенно это было характерно для плотно заселенного Бийского Приобья. Старожилы-сибиряки, чалдоны очень часто не были восприимчивы к переселенческим традициям. Их тактика заключалась в том, чтобы оставаться на прежнем месте, практически не изменяя традиционного уклада жизни, и не оставлять обжитые места в случае возникновения неудобств из-за приезда новопоселенцев [47, с. 80]. Но нередко доходило до того, что старожилы покидали место и уходили либо переселенцы искали новое место жительства. В данных обстоятельствах мордовские переселенцы выступали не только как новоселы, но и как представители иной этнокультурной группы со своим языком, обрядами, целым спектром этнокультурных отличий, поэтому нередко складывались конфликтные ситуации.

Так, деревня Медведевка Сычевской волости Бийского округа была образована в 1876 г. старожилами, выходцами из близлежащих деревень Сычевки и Солоньки. Вследствие малоземелья они вынуждены были на арендных правах осваивать землю. Местность, где было образовано новое поселение, была каменистой, прикрытой лишь тонким слоем чернозема, поэтому была не совсем пригодной для пашни. В 1888 г. Главным управлением этот поселок был открыт для переселений, и к старожилам стали приселяться новоселы, главным образом мордва из Пермской и Самарской губерний [8, с. 523–524]. Мордовские переселенцы прибыли в Медведевку совершенно без средств. «Мордовцам мно-

го невзгод пришлось пережить в дороге и после водворения». Они были довольны выбранным местом, но не получали приемных приговоров от старожилов, которые были недовольны новоселами особенно мордовцами из-за их «нечистоплотности», и чтобы выжить, их стесняли в запашке [8, с. 524].

В селе Верх-Кучук Шелаболихинского района мордовские переселенцы были ходоками, и старообрядцы (жители села) долгое время не хотели их принимать, но постепенно переселенцы «прижились». По рассказам ходоков-мордвы, «потом они возвращались на Родину и рассказывали, что здесь много земли, тут свобода». Добирались – «ехали на повозках, лето, осень ночевали в поле, в деревни боялись заходить» [8, с. 525]. Место, где располагалась село Верх-Кучук, было очень удобным: рядом река, со всех сторон – лес, за ним располагались пашни. Мордва нанималась на работу в семьи старообрядцев: «подсевали, пахали, за скотом ухаживали». До сих пор считают, что старожилы пустили мордву-переселенцев, «потому что им работники были нужны, семьи у них были большие, хозяйство тоже, скота держали много» [48].

Таким образом, мордва в ходе переселения в регионы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. оказались в далеко не однородном этническом и этнокультурном окружении. Алтайский регион был центром внимания переселенцев из Европейской России, Поволжья, Предуралья и других районов, все они являлись носителями разных хозяйственных и культурных традиций, которые влияли на все стороны жизни мордовских новоселов. В ходе расселения мордва на первоначальных этапах выбирала оптимальные условия для ведения хозяйственной деятельности, схожие с прежним местом жительства. Межэтническое взаимодействие происходило по разным поводам, в различных сферах и в многообразных формах. Немаловажную роль играли взаимоотношения мордвы с носителями иных этнокультурных традиций в производственных сферах, а также соседство – как в широком смысле (зоны межэтнических контактов), так и в более узком (в пределах одного села). Межэтнические контакты мордвы осуществлялись также и путем биологического смешения населения, прежде всего с русскими. К этому добавлялся разнообразный природно-географический ландшафт региона, все это в совокупности способствовало поиску мордовскими переселенцами оптимальных условий для жизни.

В развитии мордвы в регионах Западной Сибири можно выделить разнообразные варианты адаптационных процессов. На начальных этапах расселения отдельным мордовским переселенческим группам было свойственно внутригрупповое единение, которое выливалось в совместное расселение или образование моноэтнических населенных пунктов, т. е. происходил процесс так называемой консолидации. Впоследствии начиналась межэтническая интеграция, когда этническая группа мордвы проходила этап хозяйственного и культурного взаимодействия

с окружающими этносами, в ходе которого в зависимости от ряда других причин (сохранности или потери этнического самосознания) начинались ассимиляционные процессы, связанные с утратой этноязыковых и этнокультурных признаков этноса.

М. А. Ovcharova

Factors of adaptation of Mordovian settlers in the south of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries

Annotation. The article will focus on the significance of the agrarian movement of people from the European part of Rus-

sia to Siberia in the late 19th – early 20th centuries. A stream of ethnoculturally diverse people poured into Siberia. Different ethnic groups in different, sometimes unusual natural conditions were forced to adapt to the surrounding reality. All this happened by changing the usual ways of managing and living. This naturally influenced the formation of a new way of life, changes in cultural traditions that absorbed the traces of a new environment, mixed with the «established» centuries. Thus, at times, the settlers developed a new adaptation culture. Keywords: resettlement, adaptation, culture of ethnic groups, socio-cultural processes, changes in culture, Mordovians.

Источники и литература

- Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). Москва: Логос, 2001–2002. Вып. 1–2. 183 с; 158 с.
- Шелегина О. Н. Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. 160 с.
- Головачев П. М. Сибирь: природа, люди, жизнь. Москва, 1902. 300 с.
- Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Санкт-Петербург, 1892. 720 с.
- Голубев П. А. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. 427 с.
- Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае: статистико-экономический очерк. Иркутск, 1889. Т. 1. Вып. I. 154 с.
- Исаев А. А. Переселение в русском народном хозяйстве. Санкт-Петербург, 1891. 192 с.
- Швецов, С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: Результаты статистического исследования в 1894 году. Описание переселенческих поселков 1899 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4. Вып. 2. 560 с.
- Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев водворенных на казенных землях Томской губернии. Санкт-Петербург, 1896. Т. 2. Ч. 1. 560 с.
- Сущинский П. П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае (исследование на месте). Санкт-Петербург, 1898. 39 с.
- Скляр А. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.
- Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. 471 с.
- Покшишевский В. К. Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск, 1951. 207 с.
- Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. 343 с.
- Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. 264 с.
- Зверев В. А. Изменение образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.): межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 94–104.
- Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в России в пореформенный период. Томск, 1986. 262 с.
- Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае (XVIII – начало XX в.). М., 1996. 296 с.
- Родигина Н. Н. Образ сибирских «инородцев» в журнальной прессе пореформенной Российской империи как инструмент формирования социальных идентичностей // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Философия и социология». 2007. № 3. С. 126–130.
- Щеглова Т. К. Русские старожилы и новоселы // Алтайский благодатный край. Москва, 2007. С. 94–101.
- Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006. 376 с.
- Чуркин К. А. Природа и крестьянство Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Омск, 1995. 129 с.
- Андюсов Б. Е. Архетипы славянской мифологии и процесс адаптации русских крестьян в Сибири в XVII–XIX вв. // Этно-Журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ethnonet.ru/ru/pub/10_2008.html (дата обращения: 10.09.2020).
- Скобелев К. В. Роль слухов в формировании у российских крестьян идеалистического представления о Сибири (1861–1917 гг.) // Вестник Омского юридического института. 2009. №2 (11). С 15–19.
- Чуркин М. К. Миграционная мобильность и адаптационный потенциал сибирских переселенцев второй половины XIX – нач. XX века. В свете теории социального импринтинга // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 2 (9), ч. 2. С. 22–29.
- Пожарская К. А. Природно-географическое районирование Алтайского округа в трудах ученых и путешественников рубежа XIX–XX веков // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (109). С. 37–42.
- Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Барнаул, 2013. 348 с.
- Шерстова Л. И. Представление о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – нач. XX в.). Новосибирск, 2008. С. 186–246.

29. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX века. Томск, 2004. 232 с.
30. Бардина П. Е. Быт и хозяйство русских сибиряков томского края. Северск, 2009. 432 с.
31. Резун Д. Я Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начало XX века // Сборник материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 211–216.
32. Гончарова Т. А. К вопросу о формировании белорусской диаспоры в Томской области в конце XIX – первой половине XX в. // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. ст. Томск, 2008. Т. 15. С. 190–196.
33. Щеглова Т. К. Социокультурная и хозяйственная адаптация столыпинских переселенцев на Алтае на протяжении 1910–1980-х годов: стратегии и результаты (по материалам полевых исследований) // Вестник алтайской науки. 2014. №1 (19). С. 252–257.
34. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры / отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск, 2011. 424 с.
35. Колоткин М. Н. Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 – середина 1930-х гг.). Новосибирск. 2010. 316 с.
36. Коровушкин Д. Г. Чуваши Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XX века. Новосибирск, 2009. 188 с.
37. Смирнова Т. Б., Томилов Н. А. Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2006. 282 с.
38. Октябрьская И. В. Казахи Алтая. Очерки истории и культуры. Новосибирск, 2019. 200 с.
39. Щеглова, Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 110–123.
40. Бульгин, Ю. С. К вопросу о периодизации заселения Алтая // Алтай в прошлом и настоящем: 50 лет Алтайскому краю: тез. докл. к науч.-практ. конф. Барнаул, 1987. С. 46–49.
41. ГААК. Ф. 4. Оп. 1 Д. 2289.
42. ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 644; 645.
43. ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 646.
44. ГААК. Ф. 233. Оп. 1 Д. 234, Д. 1016, Д. 1011, 732, 1172.
45. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1998 г.: Залесовский район, с. Большой Калтай. Пензина А. Е., 1934 г. р.
46. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1998 г.: Залесовский район, с. Большой Калтай. Бокова Е. Г., 1905 г. р.
47. Фурсова, Е. Ф. Этнокультурное взаимодействие восточнославянских старожилов и переселенцев Приобья, Барабы, Кулунды по материалам календарных обычаев // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 80–129.
48. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г.: Шелаболихинский район, с. Верх-Кучук. Гладилова А. Ф., 1924 г. р.

УДК 39.394

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-56-59

И. В. Октябрьская, Е. М. Чиркина

*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация;
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация*

Анастасиевцы Алтайского края. История родовых поселений и современные реалии¹

Аннотация. Движение Анастасии («Звенящие Кедры России», анастасиевцы) зародилось в России под влиянием произведений В. Мегре в середине 1990-х гг. Развивалось от читательских клубов и фестивалей до масштабных проектов создания родовых поместий и образования политической партии. В Алтайском крае известны 12 поселений на разных этапах формирования. В религиоведении анастасиевцев рассматривают как одно из новых религиозных движений, ориентированных на идеологию и практики, близкие славянскому неоязычеству. В российской этнологии/антропологии предпринимаются попытки охарактеризовать анастасийцев в дефинициях субкультуры; как сообщество со сложной идентичностью, включающей квазиэтнический уровень. Их культура опирается на натуральное крестьянское хозяйство. Основным концептом самоорганизации являются родовые поместья. **Ключевые слова:** движение анастасийцев, новое религиозное движение, неотрадиционализм, деурбанизация, родовые поместья.

Движение Анастасии («Звенящие кедры России», анастасиевцы) возникло в России в середине 1990-х гг. Основы его идеологии определила неомифология, воспринятая последователями писателя В. Н. Мегре, автора серии романов в жанре фэнтези

«Звенящие кедры России» 1996–2010 гг. – «зеленых книг», как называют ее вовлеченные в сообщество.

В рамках российского религиоведческого курса исследователи определяют анастасиевцев как одно из новых религиозных движений «Нью Эйдж», ориентированных на идеологию и практики, близкие славянскому неоязычеству [1]. Представители Русской православной церкви и православная публицистика описывают «Звенящие кедры России» в контексте антисектантской риторики [2]. В россий-

¹ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 – Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири.